
УДК 916.347(470.621)
ББК 60.545.4 (2 Рос. Ады)
X 19

Р.А. Ханаху,

доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, тел.(8772) 57-08-2, arigi@adygnet.ru.

О.М. Цветков,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела политологии и социологии ЮИЦ РАН. Тел. 8(928)- 468-29-17; E-mail: sovetikus@narod.ru

**Исламская община в Адыгее:
внутренняя динамика и перспективы эволюции
(по итогам социологического исследования)
(Рецензирована)**

Аннотация. Рассматривается ситуация в исламской общине Республики Адыгея, характеризуются имеющиеся в ней внутренние напряжения и прогнозируется ее эволюция. Основная проблема, которая исследуется в статье, расслоение исламской общины на сторонников «традиционного ислама» и «чистого ислама», а также определенная радикализация небольшой части мусульман. Впервые делается попытка основательного и систематического исследования предпосылок его распространения на территории республики. Проанализированы причины и способы распространения радикальных версий ислама, а также масштабы их влияния на местное население.

Ключевые слова: религия, ислам, Республика Адыгея, конфликт, напряженность.

R.A. Khanakhu,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy and Sociology Department, Adyghean Republican Institute of Humanitarian Researches, ph. (8772 57-08-2, e-mail: arigi@adygnet.ru

O.M. Tsvetkov,

Candidate of Philosophy, Senior Scientist of Political Science and Sociology Department, Southern Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Ph. 8 (928)468-29-17; E-mail: sovetikus@narod.ru

**Islamic community in Adygheya:
internal dynamics and evolution prospects
(as shown by the results of sociological research)**

Abstract. The paper discusses the situation in an Islamic community of Adygheya Republic and internal pressure in it. Also this work forecasts the evolution of this community. The basic problem under study is stratification of an Islamic community into supporters of the “traditional Islam” and “pure Islam”, as well as a certain radicalization of a small part of Moslems. An attempt is undertaken for the first time to investigate in detail preconditions of its distribution in republic territory. The reasons and ways of distribution of radical versions of Islam, as well as scales of their influence on local population are analyzed.

Keywords: religion, Islam, Adygheya Republic, the conflict, intensity.

Данный материал представляет собой обзор, систематизацию и обобщение результатов социологического исследования, завершено в 2011 г. Ситуация в исламской общине исследовалась методами интервьюирования и массового опроса. Интервью были проведены с муниципальными служащими, курирующими религиозные организации, а также с мусульманами, являющимися экспертами по ситуации в локальных мусульманских общинах на уровне районов и отдельных населенных пунктов. Они проводились в Тахтамукайском и Кошехабльском районах, а также в городе Адыгейске. Массовый опрос был осуществлен в Майкопе и Тахтамукайском районе. Всего было опрошено свыше 250 человек.

Собранная таким образом первичная социальная информация представляла собой субъективные оценки и интерпретации имеющихся проблем. Сопоставление с данными кабинетного исследования, а также с данными длительного наблюдения за событиями в исламской общине, с ранее проведенными беседами с мусульманами и экспертами, с анализом документов и привлечение других методов социальных исследований — все это позволило сделать выводы объективного характера.

Общая оценка респондентами ситуации в исламской общине

По полученным оценкам, подавляющее число адыгов — почти 80 процентов — считает себя мусульманами. Однако почти такое же количество мусульман затруднилось с ответом на вопрос, какого направления в исламе (мазхаба) они придерживаются. Это указывает на то, что их знания об исламе крайне поверхностны.

Выяснилось также, что подавляющая часть респондентов не знает основополагающих культовых норм ислама, предусмотренных для случаев поминок, свадеб, рождения детей и некоторых других. Почти половина респондентов сочла, что уровень знаний об исламе не достаточен и у имамов и эфендиев.

Основная часть опрошенных — более 70 процентов — знания об исламе

получили у собственных родителей. Около 30 процентов знакомы с основами ислама по материалам СМИ. Коран был основным источником знаний об этой религии примерно для 20 процентов респондентов. Основополагающую роль друзей и близких в распространении исламских знаний отметили 15 процентов респондентов. (Была предусмотрена возможность нескольких вариантов ответов, поэтому сумма ответов превышает 100 процентов).

Около 70 процентов опрошенных не совершают намаз. Почти 60 процентов считают, что нормы адыгэ хабзэ предпочтительнее норм шариата. Семейные отношения строятся в соответствии с нормами ислама только у 5 процентов семей. Эти данные мало чем отличаются от результатов социологического исследования проведенного, нами 10 лет тому назад [1].

Регулярно посещают мечети, по данным, полученным от экспертов, от 2 до 5 процентов мусульман; а по данным массового опроса — менее 10 процентов.

Каждый десятый адыг не считает себя мусульманином. Это объясняется, вероятно, тем, что в числе опрошенных были также люди старших возрастов, впитавшие в себя атеистические убеждения еще в годы социализма.

Некоторая часть людей, не считающих себя мусульманами, является приверженцами иных религиозных или даже сектантских взглядов.

Немногим свыше 10 процентов затруднились ответить на вопрос о том, считают ли они себя мусульманами. Эти люди пока не определились со своим отношением к религии и к исламу.

Таким образом, исследование эмпирически подтвердило отличие Адыгеи от республик восточной части Северного Кавказа, которое состоит в том, что ислам здесь менее укоренен и имеет меньшее влияние. А в социальных отношениях, включая семейные, явно преобладают светские нормы.

Согласно проведенным с экспертами интервью, ситуация в исламской общине является благополучной. Такое мнение высказали все без исключения

эксперты, хотя, порой, и с некоторыми серьезными оговорками и двусмысленностями. Оговорки сводились к тому, что в некоторых населенных пунктах появилось небольшое количество ортодоксальных («нетрадиционных») мусульман, воззрения которых несколько противоречат «традиционному исламу» и «адыгству». Двусмысленность ответов состояла в том, что в ответ на просьбу дать оценку ситуации в локальной исламской общине респонденты использовали разные критерии. В то время как для верующих мусульман плюсом было то, что количество верующих увеличивается, и именно поэтому ситуация в общине, с их точки зрения, положительна, чиновники исходили из того, что благополучие ситуации определяется отсутствием религиозных экстремистов. Однако при массовом опросе были получены более сдержанные оценки степени благополучия. Так, 15 процентов опрошенных сочла, что в Адыгее может возникнуть реальная угроза общественно-политической стабильности вследствие радикализации части мусульман. И почти 45 процентов затруднились ответить на вопрос о возможности дестабилизации ситуации в интересующем нас аспекте. 15 процентов считает также, что в ближайшее десятилетие у правоохранителей возрастет количество претензий к верующим. В то же время половина от числа опрошенных сочла, что отношения правоохранителей и мусульман в ближайшее десятилетие будут нормальными.

В процессе интервьюирования экспертов большинство из них указало также и на то, что в исламской среде имеются определенные противоречия. Они проявляются, в частности, в различном толковании вероучения и особенно культа сторонниками, условно говоря, традиционного ислама, с одной стороны и, сторонниками, чистого ислама — с другой. В процессе массового опроса было выявлено, что наличие таких противоречий признает примерно 20 процентов респондентов. Основные противоречия, с их точки зрения, концентрируются в вопросах о культовой стороне поминальных обрядов (так

считает около 4 процентов), иных ритуалов (4 процента) и вопросах толкования вероучения (3 процента). Свыше 10 процентов респондентов считает эти противоречия очень острыми; примерно треть — что их острота невелика. И половина респондентов затруднилась с оценкой остроты интересующих нас противоречий. При этом все опрошенные эксперты склоняются к тому, чтобы не драматизировать эти противоречия и не переоценивать их значимость.

«Чистый ислам» («без мазхаба»)

Большинство российских мусульман придерживаются какого-либо определенного толкования или правовой школы ислама, называемого мазхабом. Большинство мусульман Адыгеи придерживаются ханафитского мазхаба. Однако повсюду на Северном Кавказе есть мусульмане, которые не относят себя ни к одной правовой школе. Мусульман «без мазхаба» причисляют обычно к последователям салафизма, т.н. «чистого ислама» (хотя это не всегда правильно), и называют обычно «ваххабистами» или «ваххабитами».

В ходе массового опроса было выявлено, что примерно 10 процентов от числа опрошенных причисляют себя к «мусульманам — безмасхабникам». Однако в их число могли попасть люди, не достаточно компетентные в исламском вероучении и не знающие, что такое мазхаб.

По словам одного из экспертов из поселка Яблоновский «в большинстве своем молодежь не придерживается мазхаба, никакого. Вопросы возникают не между мазхабами, а между теми, кто отрицает вообще мазхаб, и теми, кто придерживается мазхаба»[2].

Респондент объяснил проникновение в поселок «чистого ислама» отсутствием у молодежи хорошего исламского образования и внешним влиянием — в частности, распространением видеокассет, содержащих соответствующие проповеди. В то же время на вопрос о наличии среди молодежи Яблоновского радикально экстремистских взглядов эксперт ответил отрицательно.

По мнению других экспертов, основными поставщиками идей «чистого ислама» являются выходцы из других республик Северного Кавказа, а также некоторые адыги, переселившиеся в республику из зарубежных стран или обучающиеся в вузах и иных учебных заведениях. Влияние на мусульманские общины Тахтамукайского района и города Адыгейска оказывают мусульмане из Средней Азии и стран Южного Кавказа, проживающие в Краснодаре и Краснодарском крае. Так, количество выходцев из этих стран на пятничной молитве в г. Адыгейске превышает количество местных мусульман.

А в ходе массового опроса было выявлено, что свыше 20 процентов респондентов считает, что через какое-то время исторически сложившаяся в Адыгее форма ислама будет заменена на другую, соответствующую более «чистому», «более правильному» исламу. Примерно четверть считает, что такого не произойдет. И почти половина респондентов затруднилась ответить на вопрос о вероятности замещения «традиционного» ислама «чистым».

С точки зрения некоторых респондентов массового опроса замещению «традиционного» ислама на «чистый» могут способствовать мусульманские священнослужители. Такого мнения придерживается почти 45 процентов от числа опрошенных.

Свыше четверти респондентов подчеркивают влияние завозимой в республику исламской литературы. Примерно 20 процентов считают, что на этот процесс могут повлиять мусульмане из других республик Северного Кавказа, столько же отмечают, что зарубежные адыги.

На наш взгляд, можно утверждать, что в Адыгее наметилась тенденция повышения части молодежи к «чистому исламу». Она отражает тенденцию, наблюдаемую в других республиках Северного Кавказа, где, наряду с этническими лояльностями, существенно возросло значение лояльностей и солидарностей на основе «чистого» ислама.

Проблема «традиционного» и «нетрадиционного» ислама

Сторонники «традиционного» ислама настаивают на следовании такой его версии, которая сложилась в Адыгее исторически и испытала на себе влияние адыгских этнических (языческих) обычаев. В то время как сторонники «нетрадиционного» ислама настаивают на искоренении языческих привнесений. Этническое привнесено в похоронные и после похоронные обряды, свадебные и некоторые другие.

В ходе массового опроса было выявлено, что почти треть респондентов считает, что исторически сложившиеся в Адыгее элементы исламского культа не вполне соответствуют нормам Корана. Свыше половины респондентов затруднилось ответить на вопрос о таком соответствии. 16 процентов сочли, что противоречий между сложившимся исторически культом и требованиями Корана нет.

Становится весьма заметным различие в мусульманской среде и по внешнему виду. В отличие от «традиционных» мусульман, которые часто выглядят как обычные граждане, «канонические» мусульмане отрачивают бороды и носят тюбетейки. Тюбетейка — культовый элемент одежды «нетрадиционных» и «чистых» мусульман. Принятый среди адыгейских мусульман обычаем надевать шляпы на похороны они подвергают критике. Некоторые из них называют эти шляпы «еврейскими». По этим элементам одежды — шляпе или тюбетейке — часто можно определить приверженность мусульманина «традиционному» или «нетрадиционному» исламу. В ходе массового опроса выяснилось, что у шляп и тюбетеек практически одинаковое количество приверженцев — по 23 и 22 процента соответственно. Больше количество респондентов — примерно 30 процентов — отдает предпочтение традиционному этническому головному убору — папахе. А большинство — почти 40 процентов — считает вопрос о виде головного убора не принципиальным и полагает, что мусульманин может носить любой. Около 10 процентов

затруднились сформулировать свою точку зрения о предпочтительности того или иного головного убора для мусульманина.

Негативное отношение части населения Адыгейска, Тахтамукайского и Кошехабльского районов к сторонникам «чистого ислама» проявляется, в частности в том, что последних в бытовом обиходе называют (как нам показалось — пренебрежительно) «тюбетечниками».

Подобно тому, как по наличию на голове у адыгейского мусульманина шляпы или тюбетейки можно, как правило, определить его тяготение к «традиционному» или «не традиционному» исламу, примерно то же самое можно определить по наличию или отсутствию у него дуахъ, небольшого кожаного мешочка, в котором зашит текст молитвы и который носят на груди на шнурке. Ношение дуахъ — это местный культ, считающийся исламским. Он распространен также в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и некоторых других территориях. Однако сторонники «нетрадиционного» и «чистого» ислама считают, что обычай ношения дуахъ противоречит исламу, поскольку, с их точки зрения, к Аллаху надо обращаться с молитвой, а не посредством языческих амулетов.

На вопрос «Как Вы относитесь к ношению на теле дуахъ?» почти половина опрошенных ответила одобрительно, еще около 40 процентов сказали — нейтрально. И только немногим более 10 процентов респондентов сочли, что ношение дуахъ противоречит Корану.

Показатель в 10 процентов или около того часто встречался в ответах респондентов на контрольные и иные вопросы, предполагавшие количественную оценку мусульман, у которых сформированы более или менее устойчивые ортодоксальные представления об исламе. Как представляется, общее количество ортодоксов, т.е., «нетрадиционных» и «чистых» мусульман приблизительно и колеблется вокруг этой цифры.

Противоречия между «традиционными» и «нетрадиционными» мусульманами носят пока религиозно-

идеологический характер и, на наш взгляд, перерастание их в конфликты и тем более в конфликты с использованием насилия в ближайшей, поддающейся прогнозу перспективе, маловероятно. Тем не менее, имеются основания полагать, что по мере увеличения количества «нетрадиционных» и «чистых» мусульман вероятность таких конфликтов повысится.

Мусульмане и органы государственной

и муниципальной власти

Многие мусульмане, отобранные нами в качестве экспертов, включая служителей мечетей, осудили практику республиканского МВД по проведению необоснованных, с их точки зрения, обысков и задержаний мусульман. По их словам, эти мероприятия МВД получили отрицательную оценку в мусульманских общинах. При массовом опросе более 14 процентов респондентов указали на то, что им известны случаи необоснованного, с их точки зрения, притеснения мусульман республики правоохранительными органами. Более 35 процентов затруднились ответить на вопрос о том, известны ли им такие случаи или нет. Более 45 процентам респондентов такие случаи не известны.

Уверенность в том, что отношения между мусульманами и правоохранительными органами в ближайшее десятилетие будут развиваться нормально, выразила только половина респондентов. Некоторые мусульмане-эксперты в ходе интервьюирования высказывали опасения о том, что, с их точки зрения, образование в МВД районных и иных подразделений по борьбе с экстремизмом провоцирует сотрудников этих подразделений к фальсификации служебной отчетности посредством выдвигания «искусственных» претензий к мусульманам и последующего их документирования. С их точки зрения, работа МВД и других правоохранительных органов по пресечению и профилактике экстремизма должна проводиться «тихо», «бесшумно», «незаметно» и т.п.

Высказывалась точка зрения, согласно которой избирательные меры

сотрудников МВД в отношении мусульман оскорбляют религиозные чувства.

Один респондент высказал также мнение о том, что проверка сотрудниками МВД документов у мусульман, прибывших в Адыгею из стран Центральной Азии, может быть обусловлена тем, что эти иностранные граждане на практике уязвимы перед недобросовестными сотрудниками милиции, которые под каким-либо надуманным или реальным предлогом стремятся взять с них взятку.

В ходе массового опроса 14 процентов респондентов оценило деятельность органов власти республики и республиканских правоохранительных органов по профилактике религиозного экстремизма как эффективную, 26 процентов считают ее неэффективной, 60 процентов от числа опрошенных затруднились дать оценку эффективности деятельности органов власти и правоохранителей в указанном направлении.

Влияние муниципальной власти на ситуацию в исламских общинах в целом можно оценить как положительное. Хотя следует подчеркнуть, что по объективным причинам она не в состоянии поставить под полный контроль развитие идейно-религиозных процессов. Как правило, в административной структуре муниципалитетов на уровне района за связь с местными мусульманскими общинами отвечают один или два человека. При этом на них возложено множество иных обязанностей. Неизбежным результатом такого положения дел является несколько поверхностные, на наш взгляд, отношения муниципалитетов и локальных мусульманских общин. Тем не менее, представители муниципалитетов находятся в контакте с муфтиями, информированы о текущей ситуации, и многие возникающие проблемы решаются в рабочем порядке.

Основные пожелания к власти со стороны мусульман-экспертов, у которых были взяты интервью, сводятся, в основном, к призыву содействовать исламскому просвещению: способствовать открытию исламских учебных заведений, трансляции специальных программ по телевидению и радио.

Перспективы развития ситуации в исламской общине

На наш взгляд, Адыгея во многом повторит логику того пути, который уже был пройден другими республиками Северного Кавказа.

Наметившаяся тенденция приобщения молодежи к исламу будет нарастать. В том числе и потому, что уход в религию интерпретируется многими как чуть ли не единственный способ духовного существования в мире, покушающемся на справедливость, основы человеческой морали и нравственности. Данные массового опроса говорят о том, что значительное количество жителей Адыгеи из числа адыгов — почти половина — намерено воспитывать своих детей как мусульман. Только 13 процентов видят какую-то иную альтернативу исламскому воспитанию. 40 процентов респондентов затруднились ответить на вопрос об их намерениях в области воспитания детей. Таким образом, в среднесрочной перспективе (10 — 20 лет) Адыгею ожидает, скорее всего, некоторый сдвиг в сторону укоренения в ней ислама, появления большего количества людей, разбирающихся в вероучении и культуре. Однако этот сдвиг вряд ли будет тотальным. Социальные отношения сохранят свой преимущественно светский характер.

Будет нарастать также дифференциация внутри мусульманской общины на а) сторонников «традиционного» ислама; б) «нетрадиционного» («младомусульман») — т.е., приверженцев традиционного для Адыгеи ханафизма, но выступающих за очищение его от языческих привнесений и в) сторонников «чистого ислама».

По мере дифференциации республиканских мусульман на «традиционных», «младомусульман» и «чистых» будет возрастать также вероятность конфликта между ними. Однако пока ее можно оценить как низкую.

По мере увеличения количества ортодоксальных мусульман, их укоренения в республике и расширения среди них ортодоксально-исламских лояльностей

и солидарностей, скорее всего, будет возрастать вероятность появления и постепенного обострения противоречия между адыгами, сторонниками «исламского пути», с одной стороны и адыгами, сторонниками нерелигиозного или слабо религиозного «адыгства», традиционного кодекса жизни черкесов, — с другой. Как это происходит в настоящее время в Кабардино-Балкарии, где, в частности, произошло убийство видного сторонника и пропагандиста адыгства, которое общественное мнение приписывает местным исламским фундаменталистам.

В настоящее время противоречие между сторонниками адыгства и мусульманами ортодоксами выражено слабо. 40 процентов респондентов считает, что нормы ислама и адыгства в основном совпадают и еще 6 процентов — что они совпадают полностью. 14 процентов считает, что традиционная нормативно-культурная система адыгов — «выше ислама». Однако около 8 процентов опрошенных сочло, что «ислам выше традиционной культуры». По всей вероятности, количество сторонников последней точки зрения будет постепенно возрастать, что и может обусловить появление и даже обострение указанного выше противоречия.

Ответы, полученные на вопрос о соотношении адыгства и ислама коррелируют с ответами, полученными на вопрос о соотношении Адыгэ Хабзэ («адыгского закона») и Шариата. Большинство респондентов (56 процентов) указало, что для них нормы Адыгэ Хабзэ предпочтительнее. Около 30 процентов сочло, что Адыгэ Хабзэ совместим с Шариатом. Однако 6 процентов считают, что Шариат предпочтительнее.

Несмотря на наметившиеся и имеющиеся противоречия в исламской

общине, результаты проведенного исследования указывают, скорее, на то, что в республике практически нет радикального исламизма, способного под религиозными лозунгами мобилизовать сколь-нибудь значимое количество людей для осуществления противоправных деяний, в том числе и террористических актов. Однако по мере увеличения количества глубоко верующих мусульман, на фоне коррупции, социальной несправедливости, сильного расслоения уровней доходов бедных и богатых и других острейших проблем, потенциал для вооруженного подполья и терроризма в Адыгее может появиться.

Тем не менее, актуальную для России и, особенно для Северного Кавказа, проблему терроризма вряд ли целесообразно жестко связывать исключительно с исламом, в том числе и такими его версиями как «чистый ислам». Потому что проблема терроризма есть не что иное, как возведенный в высшую степень радикальный протест, который, в принципе, может быть облачен в любую форму — как «традиционного», так и «не традиционного» ислама или в любую иную, и совсем не обязательно — мусульманскую.

Ситуация в исламской общине республики требует постоянного и тщательного наблюдения. Протекающие в ней процессы несут в себе определенную конфликтогенность. Для упреждения потенциально возможных конфликтов необходимо знание их причин и детальная отработка сценариев по их купированию. Поэтому крайне важно углублять знания об исламе всем тем государственным служащим и сотрудникам правоохранительных структур, которые по своим должностным обязанностям связаны с этой тонкой и сложной сферой.

Примечания:

1. Ислам у адыгов Северо-Западного Кавказа / Р.А. Ханаху, С.А. Ляушева, О.М. Цветков, С.Х. Мухаджиев. Майкоп, 2001. С. 41-43.
2. Из интервью с экспертом из поселка Яблоновский.

References:

1. Islam of the Adyghes of the Northwest Caucasus / R.A. Khanakhu, S.A. Lyausheva, O.M. Tsvetkov, S.Kh. Muskhadzhiiev. Maikop, 2001. P. 41-43.
2. From the interview with the expert from the village of Yablonovsky.